18+

САРМАТЫ

Слава или смерть

Вячеслав Марченков

Вячеслав Марченков

Сарматы. Слава или смерть. Цикл «Древний мир»

«Издательские решения»

Марченков В.

Сарматы. Слава или смерть. Цикл «Древний мир» /
В. Марченков — «Издательские решения»,

Книга «Сарматы. Слава или смерть» третья из серии книг о Сарматах.
В этой истории гунны, возглавляемые Аттилой, вторгаются в придунайские провинции Римской империи. В это же время хан Олкас и его отец Чеслав Путятич спасают охотника, оказавшегося наследником Великого хана Аттилы, ханом Эллаком. Это встреча может стать важным моментом в противостоянии гуннов и римлян.

© Марченков В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Первая глава 7
Вепрь 7
Вторая глава 9
Друг 9
Третья глава 11
Совет 11
Четвёртая глава 14
Новый поход 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Сарматы. Слава или смерть
Цикл «Древний мир»

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0071-5702-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Аттила направил четыре посольства в Константинополь, требуя исполнения договора. Но римляне снова не торопятся выполнять его условия. Возможно потому, что в это время персы отступили с восточных рубежей их державы. Однако, они не сумели использовать свой шанс, ничего не сделав для укрепления там границ. Этим воспользовались местные племена, которые стали заниматься грабежами в буферной зоне. Вокруг Трапезунда, тзаны стали устраивать набеги на земли римской империи. Исавры тоже спустились с труднодоступных гор и занялись грабежами. Даже бедуины прорывались через границы ромеев, чтобы грабить их. У римлян не было сил, чтобы прекратить это безумство. Все силы они бросили на запад.

Пользуясь бездействием гуннов, римская империя укрепила границу вдоль Дуная, восстановив крепости и укомплектовав их гарнизоны к четыреста сорок пятому году. Также активизировалась разведка римлян, доложив Феодосию, что Аттила убил своего брата Бледа.

Но ромеи просчитались — Аттила собрал все племена гуннов под своей рукой. Кроме того, гунны были не одни. В гуннском союзе к этому времени оказался уже чрезвычайно пёстрый состав германских и негерманских народов: булгары, остготы, герулы, гепиды, сарматы, сабиры и другие. Почти все племена облагались данью и принуждались к участию в военных походах. Во главе Гепидов был король Ардарих, готы стали под начало Валамера (Баламира), Сарматами руководил их филархам (вождь) — Ора.

А вот на римлян, кроме опасности войны с гуннами, обрушились природные катаклизмы. В четыреста сорок пятом году по империи прошла чума, и её силы были ослаблены. К тому же, по Римской империи прокатилась серия землетрясений, начавшаяся двадцать шестого января четыреста сорок седьмого года. Она была самой сильной на тот период. Разрушены города Фракии и архипелага Киклады. В Константинополе рухнул отрезок мощных стен из пятидесяти башен. Из города бежали многие жители, сам император Феодосий готов был к побегу.

Однако ромеи не растерялись. Под руководством префектов Кира и Константина восстановили стены. Дополнительно соорудили еще одну стену с башнями, перед которой вырыли ров. Для защиты города наняли вождя исавров Зенона. Армия римлян, не смотря на трудности, сумела подготовиться к войне с гуннами.

И весной четыреста сорок седьмого года гунны вторглись в Восточную Римскую империю. Случилось это из-за большого джута (падежа скота). Но возможно, как случалось не раз в мировой истории, это был всего лишь предлог для начала новой захватнической войны.

Первая глава

Вепрь

Затянутое тяжёлыми серыми тучами небо недобро смотрело на землю, щедро осыпая её мелким, навязчивым дождём, который не прекращался уже несколько дней подряд. Капли стучали по земле монотонно и неумолимо, превращая почву в вязкую грязь. Из-за непогоды даже птицы не торопились подниматься ввысь — они прятались в кронах невысоких деревьев, тесно сбившихся в сухих логах и балках бескрайних Понтийских степей. Ветви, покрытые редкими молодыми листьями, едва колыхались под напором ветра, словно пытались укрыться от сырости. Лишь изредка то там, то здесь сверкали рыжие мордочки беспокойных сурков. Они неутомимо выискивали себе редкую в это время пищу — прошлогодние корешки, случайно уцелевшие зёрна, иногда — насекомых, выбравшихся на поверхность после дождя. Животные торопливо сновали между кочками, настороженно прислушиваясь к каждому звуку. Природа лениво отходила от зимней спячки, словно медведь, ёжась и переворачиваясь с боку на бок: кое-где пробивались первые ростки травы, а на деревьях набухали почки, но всё вокруг оставалось хмурым и неприветливым.

В один из таких дней сонную тоску балки разорвал дикий рык раненого вепря. Звук был настолько мощным и грозным, что даже ворона, прятавшаяся от дождя в кустарнике, вздрогнула и замерла, вцепившись когтями в ветку. Было ясно: кабан уходил от погони. Он мчался невероятно быстро, вырывая копытами с корнями молодые побеги папоротника, недавно вылезшие из-под дёрна. Земля под его ногами хлюпала, разлетаясь комьями грязи, а ветви кустов хлестали по бокам, оставляя царапины на густой шерсти. Вепрь выглядел устрашающе. Его чёрная с проседью шерсть ощетинилась, из неё торчали несколько стрел, воткнувшихся глубоко в тело. Кровь сочилась из ран, смешиваясь с дождевой водой и стекая по бокам. Пасть зверя была полуоткрыта, густая слюна стекала между торчавших кинжалами клыков, а глаза горели яростью и отчаянием. Он бежал, не разбирая дороги, но вдруг резко остановился. Подняв вверх плоский нос, вепрь поймал ветер. Его ноздри затрепетали, втягивая запахи леса, дождя и — что-то ещё, едва уловимое. Принюхавшись, он тут же повернул назад, словно почуял новый путь к спасению или угрозу, поджидавшую впереди.

В это время и появился всадник, преследовавший его по пятам. Он выехал из-за поворота балки на боевом коне — мокрый плащ прилип к спине, капюшон был откинут, открывая молодое лицо. Глаза охотника горели азартом погони, а рука сжимала копьё, готовое к удару.

Рыкнув от злости ещё раз, вепрь, словно воин, жаждущий мести, бросился в атаку. Схватка длилась недолго. Увернувшись от копыт коня наездника, зверь клыками вспорол ему живот. Конь предсмертно захрипел, сделал несколько неверных шагов и завалился набок, подмяв под собой всадника. Грязь брызнула в стороны, а дождь продолжал лить, будто не замечая разыгравшейся драмы.

Кабан, ещё несколько метров по инерции пролетев вперёд, быстро развернулся, чтобы сделать ещё один выпад. Его бока тяжело вздымались, кровь струилась по шерсти, но ярость не угасала. Понимая, что следующий удар будет последним, охотник и жертва на секунду встретились глазами. Только теперь человек оказался в роли жертвы. Мужчина, ещё питая слабую надежду, попытался освободиться от тяжёлой поклажи, навалившейся на него сверху. Он дёргался, упирался руками в бок коня, но тот был слишком тяжёл. Поняв безрезультатность своих попыток, охотник лишь вынул острый кинжал, висевший на ремне кожаных штанов. Лезвие блеснуло в тусклом свете, отразив капли дождя.

А кабан, уже не спеша, почувствовав своё превосходство, оскалил острые, кривые клыки и ринулся на него. Его шаги были тяжёлыми, но уверенными, а взгляд — безжалостным. Но не успел вепрь сделать и двух шагов, как его шею насквозь пронзило копьё. Оно вошло точно, перерезав наконечником жизненно важную артерию.

Завертевшись от боли на месте, зверь в предсмертных муках ещё громче завизжал. Звук этот эхом разнёсся по степи, заглушая даже шум дождя. Затем, истекая кровью, он рухнул, уткнувшись пятачком в истоптанный им же папоротник. Тело несколько раз содрогнулось и замерло. Дождь продолжал лить, омывая землю, а ветер шевелил ветви деревьев, будто шепча что-то в память о случившемся.

Вторая глава

Друг

Лежавший под тушей мёртвого коня человек с трудом повернул голову влево. Его взгляд, затуманенный болью и усталостью, скользнул вдоль каменистого склона — и вдруг замер. Выше, на фоне серого промозглого неба, словно вырезанного из камня изваяния, сидел молодой воин на сером жеребце. Широкая улыбка озаряла его лицо, контрастируя с угрюмой атмосферой вокруг.

Юноша был крепко сложен: широкие плечи, сильные руки, уверенная посадка в седле. Жеребец под ним стоял неподвижно, лишь изредка переступал с ноги на ногу, будто понимая серьёзность ситуации.

Спустя мгновение воин спустился вниз. Его движения были чёткими и уверенными — видно было, что он привык действовать быстро и решительно. Первым делом юноша направился к охотнику, придавленному тушей мёртвого животного, и, не говоря ни слова, принялся пытаться освободить его.

Он тянул, толкал, пытался приподнять тушу, но все усилия были тщетны. Лошадь оказалась слишком тяжёлой, а положение — слишком неудобным. По лицу юноши пробежала тень досады, но он быстро взял себя в руки. Наконец, он впервые обратил свой взор на охотника и произнёс, стараясь придать голосу как можно больше уверенности:

— Не переживай! Отец идёт по пятам. Сейчас вытащим.

И действительно, не прошло и минуты, как на пригорке появился новый всадник. Это был мужчина вдвое старше первого — с сединой в густой бороде, с глубокими морщинами на лице, свидетельствующими о прожитых годах и пережитых испытаниях. Телосложением он заметно превосходил юношу: широкие плечи, массивные руки, могучая грудь.

Окинув взглядом сцену перед собой мужчина молча покинул седло и подойдя к юноше, пробасил низким, густым голосом, в котором чувствовалась привычка командовать:

— Я подниму лошадь, а ты тащи охотника.

— Хорошо, бату!

С готовностью согласился юноша. В тот же момент здоровяк, напрягая могучие мышцы, ухватился за голову мёртвой лошади. Его жилы вздулись от напряжения, на лице проступила испарина, но он рванул так, что, туша животного вспорхнула вверх, словно бабочка, подхваченная порывом ветра. В это же время юноша, схватив охотника за плечи, легко освободил того из тяжёлого плена.

Охотник, оказавшись на свободе, с трудом перевернулся на спину. Он лежал, тяжело дыша, растирая онемевшие конечности, и постепенно приходил в себя. Боль понемногу отступала, уступая место благодарности. Наконец, он приветливо взглянул на юношу и вымолвил, стараясь вложить в слова всю глубину своей признательности:

— Как тебя называть, воин?

— Хан Олкас!

Доброжелательно отозвался юноша, слегка склонив голову в знак уважения.

— А отца твоего?

Продолжил охотник, переводя взгляд на старшего воина.

— Чеслав Путятич!

Коротко, но с гордостью ответил Олкас. Охотник медленно поднялся на ноги, опираясь на руку юноши. Его лицо стало серьёзным, почти торжественным.

— Я обязан тебе жизнью, — гордо вымолвил он. — Проси, чего тебе нужно, хан. Я всё исполню, что в моих силах.

Но спутник молодого воина властно положил ему на плечо руку, мягко, но решительно останавливая:

— Посиди пока. Ногам нужно время, чтобы восстановиться. У меня есть баклажка мёда.

С этими словами он подошёл к своей лошади и расстегнув ремешок, достал из пристёгнутой к седлу калиты бронзовую фляжку, отполированную до блеска годами использования. Протянув тару незнакомцу, мужчина скомандовал:

— Пей!

Охотник недоверчиво посмотрел сначала на пожилого мужчину, затем на юношу, который подмигнул ему и промолвил:

— Если бату говорит пить, значит, пей!

Охотник приложился губами к баклажке и нехотя отпил несколько глотков. Тёплая, сладкая жидкость разливалась по телу, принося с собой ощущение живительной силы. Напряжение покидало мышцы, голова прояснялась. Оторвавшись от напитка, он вновь посмотрел на юношу и задал новый вопрос:

— Вы, скорее всего, сарматы?

— Да!

Отозвался Олкас, кивая.

— Сам Тенгри-хан свёл нас с тобой.

Провозгласил охотник, поднимая глаза к небу в знак благодарности высшим силам. А за тем, повернув взгляд в сторону мёртвого вепря, добавил: — Через этого дикого зверя.

— Я за ним охочусь уже второй день, — объяснил Олкас. — Шёл по его следам. А тут смотрю — ты преследуешь его. Вот и решил помочь.

Он украдкой взглянул на отца, словно ища поддержки, и как бы невзначай спросил:

— Может быть, и ты назовёшь нам своё имя? Всё легче общаться будет.

Охотник вдруг встрепенулся, словно очнувшись от задумчивости и виновато подняв глаза, произнёс:

— Нехорошо получается: я вас выспрашиваю, а своё имя не называю. Моё имя — хан Эллак, наследник Великого хана Аттилы.

Собеседники охотника на мгновение онемели. Их глаза расширились от удивления — они явно не ожидали встретить в степи человека столь высокого положения. Затем, опомнившись, оба вежливо наклонили головы в почтительном приветствии.

— Прости нас, наследник, что не признали, — после минутного молчания проговорил за двоих Чеслав Путятич. — Не каждый день в степи появляются люди вашего круга.

В воздухе повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь дыханием людей и лошадей. Но вдруг вдали послышалось громкое ржание, за которым последовали крики людей. Эллак весело рассмеялся и шутливо произнёс:

— Мои очнулись! Только догнали. Да, далеко же я ускакал.

После чего, обращаясь к новым знакомым, добавил с тёплой улыбкой:

— Хан Олкас, как бы ни распорядились нами боги, отныне ты мне друг. Помни это! А вепря разделим пополам.

Третья глава

Совет

В центре большого, увешанного по стенам дорогим оружием, шатра, пуская дым в круглое отверстие шанырака, разбрасывая, при этом, мелкие искры от берёзовых поленьев, не спеша, горел костёр. Висевшая, на толстых металлических треногах, большая чаша брюзжала кипевшим в ней варевом, издававшим кисло-сладкий запах, давно распространившийся за пределы войлочной обшивки строения. Но люди, собравшиеся в помещении, не торопились снимать его с огня, занятые более важным для них делом. Удобно рассевшись на мягких кожаных пуфиках, вокруг невысокого квадратного столика, с деревянными кружками в руках, они решали важные для племени вопросы.

— По всей видимости, дело идёт к новому походу. Не зря Аттила избавился от Бледа. Ему нужна абсолютная власть, чтобы начать более масштабную войну.

Не торопясь, рассуждала вождь племени.

— Я хорошо знаю Великого хана. Ему не терпится войти в Константинополь. Убив этим сразу двух зайцев. Обрести славу завоевателя римской империи, и захватить её несметные богатства. Но, одному Аттиле не справится с этой задачей, а значит, всех союзников и покорённые им племена, он принудит к содействию. Вы, слышали, наверное, что все приднепровские степи, вплоть до Ашкенакского моря, он хочет подарить своему старшему сыну — Эллаку. Наследник пока присматривается к этим территориям. Доверенные люди сказали, что он уже здесь, в Понтийских степях. Но, мне думается, не за этим он приехал. Истинная причина его поездки кроется в другом. И скоро, мы узнаем в чём?

— А как же обещания Великого хана отдать нам эти земли в вечное пользование?

Возмущённо произнёс Адаш, поставив кружку на столик.

— Аттила ещё не сделал такого подарка сыну. Будем надеяться на лучшее.

Успокоила старика Ора.

В это время, полог шатра отодвинулся, и внутрь его тихо проскользнула, стройная, крепкая девушка. На вид лет семнадцати от роду, с лёгким румянцем на щеках, высоким лбом, чёрными, как уголь, бровями выше открытых зелёных глаз с длинными ресницами, маленьким заострённым носиком и чувственными губами. Низко поклонившись присутствующим, она подошла к кипевшей на костре чаше, умело кинула за плечо толстую косу, выступавшую из-под лёгкой шапки, надетой на голову, сняла посудину с огня, и, поставив в сторону, снова сделала низкий поклон.

— Иди, Млава, иди, детка.

Увидев её, нежно пропела ханша. И только тут, гости обратили внимание на девушку. А Млава, услышав приказ вождя племени, так же тихо выскочила из шатра.

— Позволь поинтересоваться, Ора. Где ты нашла это сокровище? Красива, сильна, покладиста. Вот бы мне такую служанку.

Переводя взгляд с захлопнувшегося полога шатра на вождя, спросил Аршаин, забыв на время о напитке, что держал он в это время в руках.

— А она не служанка. Просто помогает мне во всём. Эту девочку Сколот выкупил у гуннов, не обременив её, при этом, неволей. Они ограбили купеческий обоз, ехавший со студеного моря без ярлыка. Убили всех, в том числе, и её родителей. Хотели малютку снасильничать, ему жалко стало, он и вступился. Девочка — роска, впрочем, вы знаете, как и сам Чеслав. Вот уж года три, при мне находится. И скажу, не скрывая, отношусь к ней, как к дочери. Буду искать жену для сына, первой предложу её. Я ещё только думаю, что мне надо, а она уже приносит.

Ора замолчала на некоторое время, а затем, обращаясь к военачальнику, поинтересовалась:

— Аршаин, а тебе, зачем служанка, когда в шатре три жены? Не уж-то мало?

Все засмеялись над вопросом вождя, однако тот, не обращая внимания на смех товарищей, вполне серьёзно вымолвил:

— Разве это мои жёны? Все достались мне по наследству. Одна от старшего брата, погибшего ещё при хане Дитиласе, вторая, от младшего, ушедшего в царство Перуна при взятии Сингидуна, а третью пожалел после битвы с акацирами. Забавный случай произошёл. Вышел из шатра полюбоваться луной, слышу женский плач раздаётся из соседнего алачуча. Там мой тысячник жил до битвы. Думал беда, какая. Я туда. А там женщина и трое малых. Один меньше другого. Кричит во весь голос: «что делать? Без отца теперь пропадём». Я спрашиваю, родные есть? «Нет никого, светлый хан». Отвечает мне. Ну, я и взял её, третьей женой. Детей надо кому-то растить? Ведь у нас как совет делит добычу после похода — не по ртам, а на воина. Мне кажется это несправедливо. А виной всему обычаи, придуманные нашими предками.

Заключил полководец. На что, старый Адаш, возразил:

— Не прав ты, мой друг! Обычаи наши очень полезные и добрые. Не будь их, давно род Сарматов искоренился бы. Потому, как наше племя вечно в седле и с мечом в руках. Ты не только детей малых спас, мой друг, ты племени нашему не даёшь исчезнуть. Ведь от твоих братьев, сколько досталось тебе детей?

— Трое!

Не понимая, к чему клонит приятель, ответил Аршаин, и старый полководец, пояснил ему:

— Трое, и двоих ты добавил своими силами, да плюс новая жена твоя забрюхатела, а это, мил человек, пол десятка новых воинов. А то, что добро не по головам делит совет, это нужно исправить. С этим я согласен.

— Правильно толкует Адаш!

Вмешался в разговор Ревун.

— Благодаря нашим обычаям, Сарматы всё ещё сильны!

И, взглянув на Ору, добавил:

— И, правда, в том, что не ко всем они одинаково справедливы. Вот взять, к примеру, тебя Ора. Почему, овдовевшая, ханша не может найти себе мужа, пока не женит наследника? Разве она не такая же, Сарматка, как все?

Ора поняла, к чему ведёт разговор Ревун, а потому, густо покраснев, плавно сменила тему разговора:

— Это долгий спор, друзья мои. Позже, мы и об этом обязательно поговорим, а сегодня не за тем собрались?

— Все споры хороши, если они касаются нашего племени. А вопрос, который мы обсуждали о нашем будущем. И потому ответь мне, вождь мой, почему не ищешь жены Олкасу?

Проговорил Адаш, вопросительно взглянув на ханшу, на что она терпеливо ответила:

— Ну, хорошо! Молодой хан, ещё слишком горяч! Пусть пообтешется, тогда и посмотрим. Я недавно спросила об этом у его наставника, на что он вымолвил: «- Всему своё время!». И я согласна с ним.

— Вот человек, сколько его знаю, не перестаю удивляться.

Восхищённо воскликнул Ревун. И в ту же секунду полог шатра приоткрылся и, внутрь, мышкой, опять проскользнула Млава. Отвесив всем низкий поклон, она вновь подошла к вареву, и обильно посыпав его снадобьями, не забыв поклониться, так же тихо удалилась прочь. Хозяйка шатра, предвидя мысли гостей, мотнув, головой, в сторону исчезнувшей за пологом алачуа, девушки, проговорила:

— До неё, ведь все заботы обо мне, легли на плечи Чеслава. После неудачной попытки отравления вождя племени, он перестал доверять всем. Сам готовил мне пищу, сам охранял, и, в тоже время, занимался с Олкасом. Я, иногда, думаю, что он не спит вовсе.

— Это, ты, верно говоришь!

Перебил ханшу Ревун.

— И всё ему надо. Мне помнится в Наисе, все тащат добро, оставленное хозяевами при побеге, а Рос волочет из кузни меха да горн. Спрашиваю его, «Зачем тебе это надо?». А он отвечает, «Узнаешь потом». И вправду, посмотрите, какую кузню сделал.

Военачальник вынул из ножен меч и, сверкнув его литьём перед присутствующими, гордо вымолвил:

— Его работа. Сказал мне, что — это для друга подарок. И ведь упёртый, непомерно. Сколько раз говорил ему, «Женись, друг. Обзаведись семьёй». А он мне твердит одно, и тоже, «Моя семья это Олкас». Обидно за него, не понимает, что молодой хан скоро орлом взовьётся. Будет ли ему дело о Росе, нет ли, кто знает?

При этих словах, щёки ханши снова вспыхнули краснотой. Старый Адаш, сидевший напротив Оры, заметив это, понял причину её поведения. И сразу вмешался в разговор:

— Вы, верно, заметили, что Олкас, Чеслава отцом называть стал? И мне кажется по праву. Вот уж семь годков стукнуло, как он ему себя отдаёт целиком и полностью. Кузню ведь они вдвоём состроили. И подмастерьем кто у него? Молодой хан.

Военачальник сделал передышку, а затем продолжил:

— Я недавно ковал у него, мою «сердючку». Лошадь норовая, а Рос, нашёл к ней подход. Раньше мы в поход ходили, коней меняли из-за чего? Копыта стирались, и лошадёнку на мясо, а ныне, я со своей старушкой до моей погибели не расстанусь. Это я говорю к тому, что благое дело творит сей муж. И тому учит нашего молодого хана. Я попытался поднять молот, которым Олкас долбит по наковальне, так едва сдюжил. А сколько языков знает юноша? Нам и не снилось. Да мало чего ещё привил полезного Сколот мальчику. То-то и оно.

В это время, в шатёр заскочил караульный и, выпучив глаза, доложил:

— Вместе с ханом Олкасом к нам скачет наследник Великого хана гуннов — Эллак!

Четвёртая глава

Новый поход

Бушевавший накануне дождь давно закончился и теперь степь дышала весенним полуденным зноем, а воздух трусливо дрожал над молодой травой, когда отряд гуннов приблизился к лагерю сарматов. Ора и её военачальники уже ожидали незваных гостей у шатра ханши, который выделялся на фоне остальных алачуч своей высотой и богатым убранством: вышитые шёлковые полотна с древними узорами переливались на солнце, а верхушку венчал серебряный символ племени — крылатый конь.

Эллак, наследник великого хана Аттилы, остановил своего вороного жеребца на уважительном расстоянии, окружённый многочисленным эскортом. Его доспехи, украшенные чеканкой, тускло блестели, а плащ с меховой оторочкой развевался на ветру. Предусмотрительно спрыгнув с лошади, он уверенным шагом подошёл к Оре и, остановившись в нескольких шагах, наклонил голову в знак глубокого почтения.

Рядом с Эллаком все сразу заметили молодого хана и верного военачальника Аттилы — Онегесия. Его суровое лицо с глубокими шрамами и цепкий взгляд выдавали в нём опытного воина. Само присутствие Онегесия говорило о чрезвычайной важности этого визита — редко кто из приближённых Аттилы сопровождал наследников в дипломатических миссиях.

Сарматы в ответ также вежливо поклонились, соблюдая древний обычай уважения к гостям. После чего, вождь, низким, грудным голосом вымолвила:

— Я очень рада видеть в наших краях таких достопочтенных воинов. И приглашаю вас, после утомительного путешествия, в мой шатёр попробовать мёду с кумысом под томлёное мясо молодого телёнка. Это позволит вашим телам избавиться от усталости, а голове — набраться нужных вам мыслей.

Она указала рукой на вход в жилище, пологи которого уже были раздвинуты услужливыми слугами.

Внутри объёмного шатра оказалось тесно от приглашённых гостей. Мягкий свет пробивался сквозь шанырак, расположенный в верхней части конструкции, создавая причудливые узоры на коврах с геометрическими орнаментами. Ханша с сыном, Эллак и Онегесий, по праву важности персон, уселись на мягкие кушетки за низкий резной столик, украшенный серебряной инкрустацией. Остальные же, сделав ещё один круг позади них, расположились на коврах, поджав под себя ноги и переглядываясь между собой.

Слуги вождя племени засуетились, демонстрируя отточенные годами движения. Сначала они разнесли глубокие чашки с нежными ломтиками телятины хозяйке и почётным гостям, затем поставили большое блюдо с жарким из ягнёнка, источающим пряный аромат трав. Аккуратно разложили свежие овощи и сочные фрукты, наполнили тяжёлые кружки кумысом и хмельным мёдом, после чего, поклонившись в пояс, отошли к стенам шатра, становясь почти незаметными.

— Желаю великому вождю гуннов долгих лет жизни и процветания его племени!

Подняв кружку, торжественно произнесла тост хозяйка шатра. Все присутствовавшие, в знак согласия с этими словами, пригубили из кубков напитки. Густой мёд с лёгкой горчинкой и терпкий кумыс приятно охладили горло после долгой дороги. После чего гости стали молча, жадно поедать стоявшие перед ними блюда — голод, накопленный за дни пути, давал о себе знать.

Трапеза длилась недолго, и всё это время в шатре царило почтительное молчание, прерываемое лишь звоном посуды и шёпотом слуг. Первым взял слово наследник великого хана.

Умыв руки в чаше с прохладной водой, поданной услужливым слугой, он устремил свой взгляд на Ору, которая к этому времени тоже закончила трапезу и внимательно наблюдала за ним, слегка склонив голову.

— Мудрая Ора! — начал Эллак, и его голос, ещё не до конца окрепший, звучал твёрдо и уверенно. — Объезжая подаренные мне отцом земли, я никогда не забывал, что ваши пастбища для скота и жилища для ваших людей находятся поблизости с моими владениями. И пусть на всех обрушился великий джут, Аттила, верный своему слову, обязал меня придерживаться данных им обещаний и не досаждать вам своим присутствием.

Он сделал паузу, подбирая слова, и на мгновение в шатре повисла напряжённая тишина.

— Но изменившиеся обстоятельства заставляют меня нарушить данное им слово, — продолжил Эллак. — Нет! Я не говорю о ваших правах на эти земли. Я лишь хочу напомнить вам о союзническом договоре, который вы заключили с Великим ханом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.